

пругу.—Какъ бы, то есть, чего не вышло, чтобъ, значить, въ от-
дѣлку не пропасть. Мы вить что-жъ—люди темные...

— Темные! Такъ что-жъ, что темные? Чать, вить и онъ не
одинъ свѣтлый по землѣ ходитъ. Поискать, такъ еще, можетъ,
насупротивъ его свѣтлѣе найдутся...

Катерина Захаровна прилокля на одинъ мигъ, и вдругъ
закончила тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Идемъ къ попу!

Въ данную минуту это было самое благоразумное рѣшеніе.
Такъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнилъ его Алексѣй Ивановичъ, кото-
рый чувствовалъ неодолимую потребность посовѣтоваться съ «ум-
ственнымъ и знающимъ человѣкомъ».

— «Чего мы знаемъ?» — разсуждалъ онъ про себя. — «Баба,
извѣстно, торохтитъ, потому—баба. А между прочимъ чего мы
знаемъ? Влопаешься это подъ судъ... сичасъ раззоръ... да еще
угодишь куда-нибудь, въ отсидку, значить... Вотъ тѣ и здравствуй!
бабѣ что? Баба, извѣстно, не въ отвѣтъ... Да!»

Однако о. Михаилъ разсѣялъ—по крайней мѣрѣ на время—
всѣ сомнѣнія Алексѣя Ивановича. Онъ такъ утвердительно гово-
рилъ о неизбежности правъ новаго владѣльца, о рѣшающемъ
значеніи купчей, такъ посмѣивался и покачивалъ головой, вы-
слушивая разсказъ о притязаніяхъ Писарька, наконецъ, вообще
такъ охотно принялъ сторону Щастневыхъ, что не только Кате-
рина Захаровна, — женщина вообще энергичная, — но самъ Алексѣй
Ивановичъ, — гораздо болѣе мнительный, — не могли не успокоиться
вполнѣ: дѣло оказывалось слишкомъ ужъ несомнѣннымъ, а утверж-
денія и указанія о. Михаила слишкомъ положительными и
точными.

Тому горячему интересу, съ которымъ отнесся священникъ
къ дѣлу Щастневыхъ, можетъ быть, отчасти способствовало и то
обстоятельство, что Катерина Захаровна, вопреки своей недав-
ней неподатливости, первая заговорила объ отдачѣ въ аренду
церковникамъ нѣкоторой части земель съ Песоченскаго края, и
притомъ на самыхъ выгодныхъ для причта условіяхъ, такъ какъ
«тоже и о душѣ своей надоть попомнить, чтобъ было съ чѣмъ
передъ Господомъ Богомъ явиться, отвѣтъ Ему, Царю нашему
небесному, держать».

Узнавъ о такомъ усердіи своей прихожанки, о. Михаилъ
тотчасъ же и заявилъ, что ему доподлинно извѣстно, будто у
Писарька нѣтъ ни одного письменнаго документа на владѣніе
Мокрецами, такъ какъ арендовалъ онъ землю просто по сло-
весному уговору съ управителемъ князя Убромскаго. Но о такой